

диционных для этой области вопросов о социальной мобильности и феминизации профессии. Российскому опыту посвящена статья Мишель Ден Бесте (университет штата Калифорния, Фресно) «Гендер и российское здравоохранение, 1880–1905: Профессионализм и практика». Автор утверждает, что в Российской империи женщины имели больше возможностей для получения образования в области медицины, чем в других странах. Однако и здесь имело место гендерное неравенство, и женщины-врачи традиционно ассоциировались с альтруизмом, служением, заботой, а не с профессионализмом и квалификацией.

В последнем разделе только одна глава посвящена советскому здравоохранению, которое рассматривается в сравнительно-историческом контексте. Сьюзен Гросс Соломон (университет Торонто) обратилась к изучению культурной дипломатии 1920-х годов, когда молодое советское государство приняло решение использовать пропаганду достижений в области здравоохранения как инструмент для выхода на международную арену. В двух последующих главах рассматриваются сюжеты, связанные с развитием сестринского дела за рубежом в 1900–1945 гг.

О.В. Большакова

2018.02.013. НЕФЁДОВ С.А. УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ И АГРАРНОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ В 1900–1940 гг. – М.: Дело, 2017. – 432 с.

Ключевые слова: Россия – СССР, первая половина XX в.; аграрное развитие; сельскохозяйственное производство; уровень жизни.

Монография д-ра ист. наук С.А. Нефёдова посвящена вопросу об изменениях в уровне жизни в 1900–1940 гг. Особое внимание уделяется влиянию на него революции 1917 г., нэпа и коллективизации. Исследуется динамика сельскохозяйственного производства как в целом по СССР, так и в региональном разрезе.

Книга состоит из введения, семи глав («Методология, источники и литература»; «Уровень жизни в предреволюционный период»; «Уровень жизни в 1920-х годах»; «Кризис нэпа»; «Коллективизация и кризис 1932–1933 гг.»; «Аграрная модернизация»; «Уровень жизни в СССР в конце 1930-х годов») и заключения.

В ней имеется обширный список литературы и источников по исследуемой теме.

Автор пишет, что сравнение уровня жизни в различные периоды предполагает сравнение данных о душевом потреблении, о продолжительности жизни, а также антропометрических показателей. Традиционно считается, что эти показатели связаны между собой. Уровень потребления, в свою очередь, связан с уровнем сельскохозяйственного производства (размерами посевных площадей, урожайностью, развитием животноводства, размерами крестьянских наделов и т.д.), а также с уровнем экспорта. С другой стороны, продолжительность жизни зависит также от некоторых других переменных, в первую очередь таких, как уровень медицинского обеспечения, развитие санитарии и гигиены, распространенность инфекционных заболеваний и т.д. (с. 8). Исследование предполагает анализ экономической и демографической динамики за четыре десятилетия (1900–1940) в целом по России (СССР) и по двум регионам: Центрально-Черноземному и Уральскому. «Эти два региона представляют, в известном смысле, два полюса в многообразии экономических районов России» (с. 9).

По мнению автора, аграрное развитие России накануне революции определялось наличием аграрного перенаселения, которое проявлялось в крестьянском малоземелье, в низком уровне потребления, в постоянно приходящих голодных годах. Часть крестьян разорялась и продавала свои наделы, крестьяне искали другие заработки, что привело к развитию аренды, батрачеству, росту отходничества. Миграции крестьян в города вызывали ускоренный рост городского населения. Очагом аграрного перенаселения в России был Центрально-Черноземный район (ЦЧР) и прилегающие к нему губернии. Средний крестьянский надел здесь составлял 8 десятин на двор, в то время как в окраинных губерниях, например на Урале, наделы были порядка 16–20 десятин. Ситуация осложнялась имущественным расслоением среди крестьянства: бывшие крепостные крестьяне в ЦЧР имели около 5 дес. земли, и их потребление было ниже «голодного минимума»; каждый неурожай приводил к голоду и резкому увеличению смертности (с. 138). При катастрофическом крестьянском малоземелье в ЦЧР существовали обширные помещичьи экономии, которые занимали примерно треть всей удобной земли; значительная часть произведенного на этих полях

хлеба вывозилась из района. По России в целом в 1901–1913 гг. вывозилось 22% чистого сбора зерновых. В 1905 г., когда неурожай вызвал волну крестьянских восстаний, крестьяне старались первым делом захватить этот предназначенный для вывоза хлеб, чтобы спастись тем самым от голода. Революция 1905 г. была началом кризиса. Наряду с голодными регионами в России были и вполне сытые окраинные области, так что в среднем по стране потребление в 1901–1914 гг. находилось на уровне примерно 2200–2300 ккал в сутки – уровне, принимаемом Всемирной организацией здравоохранения за минимально допустимый. Однако главную роль в политической динамике играл голодный перенаселенный Центр – именно здесь в сентябре 1917 г. крестьяне снова поднялись против помещиков. «Экосоциальный кризис вступил в острую фазу, которая означала гражданскую войну, голод, эпидемии и демографическую катастрофу» (с. 139). В 1917–1922 гг. кризис привел к трансформации структуры «народ – государство – элита», гибели значительного числа крупных собственников и к уравнительному перераспределению огосударственной собственности. Раздел помещичьих земель означал радикальное перераспределение ресурсов в структуре «народ – государство – элита», что привело к увеличению потребления крестьян.

В 1924–1927 гг. этот уровень увеличился до 2900 ккал в сутки. Уровень смертности в Европейской части СССР уменьшился с 28,6 до 20,3%; особенно значительно уменьшилась младенческая смертность. Естественный прирост превысил 20% – страна переживала демографический взрыв. Однако прогрессирующее дробление крестьянских хозяйств (результат демографической модернизации) привело к тому, что средняя численность крестьянской семьи существенно уменьшилась и в результате образовалось множество слабосильных, часто безлошадных, хозяйств. Такие хозяйства не могли внедрять усовершенствованную агротехнику. В городах после революции реальная заработная плата рабочих увеличилась примерно на 40%, а при пересчете на хлеб – на 80%. Горожане потребляли почти вдвое больше мяса, чем сельчане, больше белого хлеба, сахара и овощей; сравнительно меньше – ржаного хлеба, картофеля, молока. В целом калорийность пищевого набора у горожан (примерно 2600 ккал в сутки) была меньше,

чем у крестьян, это объясняется тем, что с энергетической точки зрения работа на фабриках была легче, чем сельский труд (с. 196).

Несмотря на то что жизненный уровень крестьянства существенно повысился, на селе отчасти сохранялись проблемы, характерные для предыдущего периода. Одной из проблем была архаическая агротехника, которая не могла совершенствоваться в условиях parcelлярного землевладения. Другой проблемой было аграрное перенаселение, которое проявлялось теперь не в недостатке продовольствия, а в избытке рабочих рук. Аграрное перенаселение носило сезонный характер: в период уборки урожая, один месяц в году, деревня испытывала недостаток рабочей силы, но большую часть года десятки миллионов крестьян оставались не полностью занятыми.

Основная проблема советской власти заключалась в том, что, поскольку налоги уменьшились, государство потеряло часть ресурсов и не могло обеспечить оборону страны. Кроме того, были нарушены связи города и деревни, так как в дореволюционные времена именно налоги и необходимость платить земельную ренту вынуждали крестьян поставлять в города дешевый хлеб. «Советская власть пыталась заставить крестьян продавать хлеб государству по заниженным закупочным ценам, но эта политика закончилась неудачей» (с. 224).

Автор полагает, что процесс индустриализации всегда связан с перераспределением ресурсов в пользу государства и с отнятием у крестьян хлеба. В России это приводило к голоду в 1723–1725 гг. и в 1892 г. Сталинская индустриализация также сопровождалась голодом 1933 г. (с. 275). Но автор полагает, что процесс перераспределения ресурсов управляем и может быть остановлен, не доходя до критической точки. Причина же упомянутых периодов катастрофического голода заключалась прежде всего в отсутствии адекватного управления этим процессом. Голод 1933 г. был следствием непродуманного, поспешного проведения реформ и неумения руководителей СССР управлять создаваемой ими новой экономической машиной. Опыт российских (и не только российских) индустриализаций показывает, что «управление столь масштабными реформами – чрезвычайно сложная задача; лишь немногие правительства смогли адекватно действовать в такой ситуации» (с. 276). Индустриализация была жизненно необходимой – и это много-

кратно усиливало потребность в ресурсах, потребность в их перераспределении в пользу государства. Произшедшая на Западе агротехническая революция предоставляла новые возможности для коренной модернизации аграрного производства. Трактор и комбайн могли использоваться только в крупных хозяйствах, поэтому внедрение новой техники подразумевало социальную перестройку на селе.

Автор считает, что модернизация сельского хозяйства на основе массового внедрения тракторов и комбайнов достигла в СССР впечатляющих успехов. В конце 1930-х годов в СССР было вдвое больше комбайнов, чем в США, и они убирали в четыре раза большие площади зерновых. 46% зерновых убиралось комбайнами и другими машинами на тракторной тяге. «Огромная экономия живого труда и снятие пиковых нагрузок в период уборки позволили отпустить в город 18,5 млн жителей деревни, которые стали в основном промышленными и строительными рабочими» (с. 321).

Индустриализация СССР была невозможна без механизации сельскохозяйственного производства (там же). И все-таки реально урожайность в конце 1930-х годов по сравнению с концом 1920-х возросла лишь на 3%; причина такого положения заключалась по большей части в экологическом кризисе, который нанес тяжелый удар по сельскохозяйственному производству: на пять предвоенных лет пришлось три засухи. Другой причиной отсутствия прогресса в увеличении урожайности было нежелание многих крестьян работать в колхозах – следствие многовековой привычки к индивидуальному хозяйствованию. Тяжелое положение сложилось в животноводстве, которое так и не оправилось вполне от последствий кризиса 1930–1933 гг., когда была забита треть поголовья коров. «Власти пытались компенсировать нехватку мяса путем развития свиноводства, но это требовало большого расхода зернового фуража и уменьшало долю хлеба, идущего на потребление населения» (с. 322).

В конце 1930-х годов пищевое потребление зерновых увеличилось только на 4%. Поскольку численность населения за это время возросла на 15%, то это означало уменьшение душевого потребления хлеба. Несмотря на то что потребление рабочих несколько увеличилось, для всего населения душевое потребление пищевых продуктов уменьшилось с 2900 ккал в сутки в период

нэпа до 2650 ккал. Особенно существенно сократилось потребление продуктов животноводства (с. 374).

Имело место падение потребления, обусловленное ростом населения, так же как и кризис 1933 г., унесший жизни примерно 6 млн человек. Но все же нужно отметить, что потребление оставалось на более высоком уровне, чем в дореволюционный период (2200–2300 ккал в сутки). В сравнении с промышленно развитыми странами потребление в СССР находилось на сравнительно низком уровне, особенно в качественном отношении. Правда, в 1930-х годах в связи с экономическим кризисом уровень потребления на Западе тоже снизился (с. 381).

Рассматривая региональные особенности развития СССР в 1930-е годы, автор отмечает огромное различие между ситуацией в промышленных областях и положением в депрессивных сельских регионах. Положение в Центрально-Черноземном районе определялось прежде всего наличием давней проблемы аграрного перенаселения. На душу сельского населения в ЦЧР приходилось втрое меньше сельхозугодий, чем на Урале, а выдачи зерна в счет трудодней были почти в два раза меньше. Положение осложнялось экологическим кризисом, который в первую очередь ударил по Центральному Черноземью. В итоге потребление крестьян упало здесь еще сильнее, чем в среднем по стране, смертность по сравнению с временами нэпа существенно возросла, а поток мигрантов из региона в 1936 г. достиг 415 тыс. человек. Пример Центрального Черноземья наглядно показывал, как в результате коллективизации и падения потребления миллионы крестьян уходят из деревни. На Урале положение было существенно лучше, чем в ЦЧР. Крестьяне здесь тоже уходили в промышленные города, но главным образом потому, что уровень потребления в городах вырос и был выше, чем на селе. Уровень смертности на Урале существенно понизился благодаря относительно высокому уровню жизни (там же).

Автор подчеркивает, что модернизация сельского хозяйства в 1930-е годы не смогла увеличить урожайность и переломить тенденцию падения потребления. Но она резко увеличила производительность труда в деревне, высвободила и направила на промышленные стройки многие миллионы крестьян. А успехи индустриализации позволили отодвинуть начало войны, угроза которой была более чем реальна. Самым ярким результатом индустриализации и кол-

лективизации была победа СССР в войне 1941–1945 гг. Тракторные заводы были переведены на производство танков, и в результате в СССР за годы войны было произведено в 2,5 раза больше бронетанковой техники, чем в Германии. С другой стороны, колхозы стали эффективным инструментом мобилизации сельскохозяйственного производства и, несмотря на все трудности, обеспечили снабжение армии и городского населения. Это тем более показательно, что во время Первой мировой войны именно дезорганизация хозяйственных связей в условиях индивидуального хозяйствования привела к катастрофическому продовольственному кризису в городах, срыву снабжения армии и в конечном счете – к революции и Гражданской войне. «Таким образом, в годы войны основанная на тракторизации колхозная система в полной мере продемонстрировала свою эффективность. Но насколько эта система соответствовала потребностям послевоенного времени и произошедшим в дальнейшем технологическим переменам, – этот вопрос могло решить лишь будущее» (с. 383).

В.М. Шевырин

2018.02.014. КОНОВАЛОВ В.С. РЕЦ. НА КН.: ЗИМА В.Ф. РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1914–1918 гг. – М.: Собрание, 2017. – 248 с.

Ключевые слова: Первая мировая война; РПЦ и власть; военные священники на фронтах.

Участие Русской православной церкви (РПЦ) в Первой мировой войне не получило глубокого всестороннего рассмотрения в историографии. Для советской исторической науки эта тема не представляла интереса, а в зарубежной литературе она рассматривалась лишь попутно, в монографиях по истории Русской православной церкви в XX в. Лишь в годы перестройки в России появились первые публикации, и в 1990-е годы вышло несколько статей, в частности, о деятельности военных священников на фронтах. И потому публикацию книги д-ра ист. наук В.Ф. Зимы, в которой рассматриваются взаимоотношения церкви и власти, священников и прихожан в условиях Первой мировой войны и социальной напряженности в обществе, следует признать важным событием.